

Аргументы и факты в Туле. – 2016. – № 47. – 23-29 ноября. – С. 3.

О языке цветов, собаках-водителях и шоу «Голос».

Юлия Сладкова ещё в третьем классе решила для себя, что станет школьным учителем. Правда, была одна трудность в осуществлении этой мечты. Третьеклассница с большим трудом могла прочесть текст в учебнике, но не потому, что не умела, а оттого что была практически слепой. Но цели своей она достигла всё равно. И сегодня учит познавать мир таких же, как она. Слабовидящих или вовсе слепых детей.

Досье

Юлия Геннадьевна СЛАДКОВА родилась 18 апреля 1977 года в Туле. Окончила среднюю общеобразовательную школу № 1 в Москве, Российский государственный университет. Работает учителем начальных классов в тульском центре образования № 29 (бывшая школа № 51). Воспитывает двоих детей.

Тифлоиероглиф

– Юлия Геннадьевна, ведь это не часто случается, когда сбывается детская мечта. Почему же вы всё-таки так рано поняли, что пойдёте в педагогику?

– Мне кажется, потому что я всегда любила детей.

– Даже тогда, когда сами были ребенком?

– Ну я росла, развивалась, но мечта стать школьным учителем с годами меня не покидала. К тому же, когда сам преодолеешь весь этот путь становления, половину которого идёшь на ощупь, очень хочется помочь таким же, как ты. Мои папа и мама тоже слабовидящие, но они были далеки от педагогики – всю жизнь проработали на производстве, на специализированном предприятии для инвалидов по зрению. Мне же всегда хотелось чего-то другого.

– А с чего всё началось? Что стало главным стимулом?

– Наверное, библиотека для слепых и слабовидящих, куда меня с самого раннего детства приводили родители. Там я научилась языку Брайля, узнала, что людей, у которых есть проблемы со зрением, на самом деле очень много. В каком-то смысле тогда я открыла для себя целый мир.

– Как проходит процесс обучения? Ваши дети приходят в класс, садятся за парты или с ними работают на дому?

– По-разному. Всё зависит от степени потери зрения. Сейчас, например, я работаю в тульском образовательном центре № 29 (бывшая 51-я школа), там есть целый класс для особых детей. Они не слепые полностью, каждый из них в той или иной степени

способен воспринимать краски этого мира. Но некоторые – действительно только краски, то есть цвета и силуэты. Такие дети находятся, как правило, на домашнем обучении. Например, сейчас я занимаюсь с мальчиком, который перешёл в 9 класс. Он может видеть только свет. Или его отсутствие. Ну и все дети учатся считать, писать и читать с помощью алфавита Брайля – это такое рельефное изображение различных комбинаций точек на бумаге, каждое из которых обозначает определённую букву или цифру. Можно сказать, что это такой тифлоиероглиф. С той лишь разницей, что прочесть его можно только на ощупь, «считывая» пальцами.

Про шоу «Голос» и буквы из цветов

– Это правда, что у слабовидящих людей обостряется слух, поэтому многие из них становятся певцами, музыкантами? Сразу же вспоминаются блюзмен Рэй Чарльз, гитарист Хосе Фелисиано, певица Диана Гурцкая, наконец... К нам недавно приезжал оркестр Игоря Бутмана – оказывается, в нём играет слепой пианист Олег Аккуратов.

– Да, действительно, слух и тактильные ощущения у слабовидящих людей развиваются очень сильно. Я, например, занимаюсь сейчас с Аней Багдасарян, тульской девочкой, которая принимала участие в программе «Голос. Дети». Она ходит на занятия по вокалу, учится играть на фортепиано на ощупь. Потрясающе талантливый ребёнок. Интересно то, что у неё это получается без нотной грамоты: в тульских музыкальных школах нет учебных пособий с нотами по Брайлю, такие издания, наверное, можно найти только в Москве. Но у Ани, тем не менее, всё отлично получается – и неудивительно, что она дошла до финала. С ней очень много занимаются родители, они поддерживают её, создают все условия, помогают поверить в себя. Ведь другие на их месте могли бы опустить руки и не дать тем самым ребёнку стимула для развития. Дети же прекрасно понимают, как к ним относятся.

– Есть мнение – «революционное», может быть, для нашей системы образования – что не бывает плохих учеников, бывают некомпетентные педагоги. Что, мол, научить можно каждого, надо только уметь найти подход.

– Именно так. На развитие и способности ребенка учиться влияет целый ряд факторов. У каждого ученика свой темперамент, свои интересы, своя эмоциональная конституция. Для одного такая-то ситуация окажется благоприятной для усваивания материала, для другого – станет помехой. Разумеется, нужно искать подход к каждому. И это особенно

очевидно в моей работе, где различий между детьми ещё больше, несмотря на то что все они объединены одной общей проблемой. Из-за специфики и степени тяжести своего заболевания мои ученики очень по-разному себя проявляют. Но каждый ребёнок принципиально обучаем – если, конечно, ему не поставлен медицинский диагноз об умственной отсталости. Но даже и в этом случае можно добиться определённого прогресса. Я, например, научила читать и писать мальчика, от которого все школы отказывались, у него тяжёлая форма ДЦП, недееспособные руки, зрение – различает только цвета. Во всех школах, куда обращались родители, отмахивались от него и говорили, что делать с ним что-либо бесполезно. На самом деле они или просто возиться не хотели, или не было в этих учебных заведениях того специалиста, кто мог бы в состоянии работать с ним. Так вот, оказалось, что у этого ребёнка очень хорошо развит интеллект, он очень быстро научился читать, намного быстрее, чем другие дети. Его неработающую руку я подвожу к разноцветным буквам, он указывает мне направление, и так мы складываем слова. Для этого мальчика буквы – это цвета.

Собачий дефицит

– Каким наш город представляется с точки зрения слабовидящего человека? Городская среда доступна для него?

Людей, у которых есть проблемы со зрением, на самом деле очень много.

– По-разному, всё зависит от места. Рядом с библиотекой для слепых в Щегловской засеке есть остановка общественного транспорта со специальными тактильно-звуковыми мнемосхемами. Это удобно. В нескольких других местах в городе они тоже есть. Но не везде. Если зрение человеку позволяет в принципе передвигаться самостоятельно по улице, для него Тула не слишком-то будет отличаться от какого-то другого города. Тяжелее тем, кому обязательно нужно сопровождение. Хорошо, когда есть родные и близкие. А если человек одинок, то тут может помочь только собака-поводырь. Но для Тулы это о-о-очень большая редкость.

– Почему же такой дефицит?

– Не знаю, наверное, в целом по стране мало таких собак. Бывает же дефицит рабочих определённых специальностей на производстве. Также и в кинологической среде: поводырь, наверное, – самая редкая собачья профессия. Знаю, что есть центр в Москве, где животных обучают искусству вождения, но получить оттуда собаку крайне сложно.

– Расскажите о вашей семье.

– У меня двое детей. Старшей дочке Татьяне 16 лет, она тоже хочет стать педагогом, учителем начальных классов. Младшему Диме – 13 лет. Он «технар», планирует поступать на физико-математический факультет. И у Тани, и у Димы примерно такое же зрение, как у меня. Но это обстоятельство несколько нас не смущает. Я рассказываю им о себе, о своих учениках, о тех, кто уже вырос и прошёл путь самоопределения и становления. Поэтому у них нет ни малейших сомнений относительно своих возможностей.

Д. Борисов, фото автора.

{comments on}